

Александра Фомина

ЛИЛЯ

Действующие лица

Лиля Брик

(Количество исполнителей и исполнение стихов на усмотрение постановщика)

ПРОЛОГ

ЛИЛЯ БРИК. Дым табачный воздух выел.

Комната —

глава в крученыховском аде.

Вспомни —

за этим окном

впервые

руки твои, исступленный, гладил.

Сегодня сидишь вот,

сердце в железе.

День еще —

выгонишь,

можешь быть, изругав.

В мутной передней долго не влезет

сломанная дрожью рука в рукав.

Выбегу,

тело в улицу брошу я.

Дикий,

обезумлюсь,

отчаяньем иссечась.

Не надо этого,

дорогая,

хорошая,

дай простимся сейчас.

Все равно

любовь моя —

тяжкая гиря ведь —

висит на тебе,

куда ни бежала б... *(продолжение на усмотрение исполнителя)*

СЦЕНА 1

1978. Комната Лили в Переделкино. Лилия (86 лет) медленно ездит по комнате в инвалидном кресле. Делает зарядку, массирует ноги. Вытягивает и рассматривает их. Подтягивает колготки.

ЛИЛЯ БРИК. Я всегда умела красиво надевать чулки.

Подъезжает к кровати, туалетному столику, стене, пытается встать и пойти. У нее ничего не получается.

Ничего, Лилечка, ничего. Не сегодня, так завтра. Встанешь и пойдешь.

Звонит телефон. Лиля снимает трубку. Слушает молча. Кладет трубку.

Лицо у нее становится злым. Она берет чашку с трюмо и бросает ее на пол.

Я умру, а они все равно будут звонить, что б меня обидеть. *(Повторяет вслух слова, которые услышала по телефону.)* «Зачем вы угробили Маяковского?»

А чего трубку бросила? Не стала дальше уточнять? *(В раздражении ездит по комнате, считая на пальцах.)* «Проститутка». «Коварная любовница

Маяковского». «Исчадие ада». «Поэтический вампир». «Злая, ненасытная

колдунья». «Тифозная вошь советской поэзии». Что там еще...«Агент ВЧК».

«Прохвостка, прибравшая к рукам его наследие». Никак меня в покое не

оставите. Чего вам еще? Не дождетесь. У меня еще семь платьев не надёвано!

Для Сережи Параджанова пошиты. Он будет приходить, а я каждый раз в новом платье.

Подъезжает на кресле к шкафу. Перебирает платья. Опять пытается встать и надеть что-то. Не получается. Со злостью захлопывает шкаф. Смотрит на телефон.

Ну вот. Настроение испортила. *(У нее обиженное лицо. Взволнованно ездит по комнате. Берет в руки статуэтку Маяковского. Снова подъезжает к телефону. Обращается к неизвестной женщине, которая ей только что звонила.)* Всю страну завалили этими статуэтками. Нравится? Такой вот, нравится? Это все я! Для меня. Ну, не без меня уж точно. Хотите или нет, но я, Лиля Брик, была и есть главная женщина в жизни Владимира Маяковского. Лучшего и талантливейшего поэта пролетарской революции. Его главная любовь. Муза. Жена. Все, что он писал, он писал для меня и посвящал мне!

Подъезжает к трюмо. Прихорашивается. Выбирает кольца. Пристально смотрит на телефон.

Может, это ты, Люда? С того света меня ненавидишь?

Открывает ящики комода, вынимает старые альбомы. Находит фотографию Маяковского с матерью и сестрами. Ставит перед собой. Разговаривает с фотографией.

Нашла тебя, Людмила Владимировна Маяковская. Володина сестричка. Золовка... Золовка – колотовка! Золовка хуже свекровки! Конечно, Володя – младшенький брат. Любимый в вашей женской семье. Да еще знаменитый. Думали, вечно ваш будет? Так мужчины уходят. В мир. К жене. Тебе откуда про это знать. Всю жизнь одинокая. Ломовая лошадь. *(иронично)* Специалист по поэзии Маяковского. Сидела бы у себя на фабрике и не вмешивалась туда, где не понимаешь. Думаешь, я не знаю, как ты с самого начала к этой поэзии относилась? *(Имитирует речь Людмилы)* «Володя! Ты бросил училище. Связался с этими ужасными поэтами – футуристами! Бурлюком, Крученых. Каменский этот еще. Грубияны-невоспитанные! Не работают, шляются по кабакам. И ты дома не ночуешь.» *(пауза)* Ты сама хотела Володей руководить. Что б при вас вечно был. Да только не было у тебя такого женского таланта. И поэзию ты не любила. А я ею жила! Сердцем чувствовала.

Ездит по комнате. Рассматривает себя в зеркало. Снова подъезжает к телефону.

Всю жизнь про меня мерзкие сплетни распускаете. Что мы с Осипом присосались к Володе как пиявки. Что на его деньги живем. Что в разврат его втянули. Что из-за нас он семьи не создал. Детей не завел. Что с собой покончил из-за меня. *(пауза)* Ну, ребенка-то ему Джонс в Америке родила. А что его любовницы, коим числа не счесть, абортывали, так я не при чем. Я б и сама ему родила. Если б могла. Да зачем? Сына б в тридцатые

расстреляли или на войне б убили. *(пауза)* А Володя к нам пришел, и всё у него получилось. Семья. Поэзия. Слава. Деньги. Все, что вы для него и хотели. Потому что у него была такая женщина как я!

СЦЕНА 2

Конец 1918г. Лиля (27 лет) сидит перед трюмо в халате. Пишет письмо. Заканчивает. Медленно надевает чулки, любясь своими ногами.

ЛИЛЯ БРИК. Мама, Эльза, как мне вас не хватает! Вы любили смотреть, как я надеваю чулки *(берет с трюмо фотографию матери и сестры, целует ее)*.

Ходит по комнате с письмом в руке. Перечитывает его вслух, внося поправки и разговаривая сама с собой.

Дорогая Эльза, Эличка! Сестричка моя. Я все же ужасно рада, что смогла проводить вас с мамой на пароход. И котлет вам принести. А Володя прятался, что б вы его не увидели. Знаю, мама его ненавидит, но что ж делать... Ты же знаешь мое кредо: живи как хочешь.

Целует фотографию сестры. Разговаривает, обращаясь к ней.

Эличка... Все время внутренне с тобой разговариваю. А писать я не мастер. Я же понимаю, что у нас вышло... Будто я увела любимого человека у младшей сестры. Но ведь это не я! Это Володя буквально напал на меня! Мне недавно передавали, как обо мне говорят. «Глаза у нее божественные, жаркие, колдовские, сияющие, торжественные. Волосы с медным отливом, как у сказочной Суламифи. Она притягивает мужчин как магнит». Ты ведь знаешь, это давно началось. Еще в гимназии.

Лилия собирается уходить. Складывает вещи в сумку. Перебирает бусы. Выбирает красные коралловые. Надевает.

Помнишь, мне их Ося подарил. На нашу свадьбу в 1912. Как мы тогда в синагоге венчаться отказались... *(напевает)* Осип Брик и Лиля Брик. Осип Брик и Лиля Брик. Папа так и сказал раввину: «У меня дочка с придурью». Дома под хупой стояли. *(пауза)* Я тебе рассказывала, как мы с Осей в Самарканде публичные дома ходили смотреть? Их там недавно открыли. Целая улица за городом. Я в этих коралловых бусах. На заставе пристав караулит. Так удивился, что мы – муж и жена. Пускать не хотел. Говорил, что не бывало такого, что б замужня женщина публичный дом ходила смотреть. Ну так, я – не все. Пришли мы там в самый богатый дом. Хозяйка в сером платье. Глухое до пят, рукава длинные, кистей рук не видно. Ворот закрытый. А потом танцевать пошла. И оказалось-то, что только один воротник застегнут. Платье все в разрезах. А под ним-то ничего! Танцует, и тело голое мелькает. Знаешь, я думаю сфотографироваться голой. Или в прозрачном платье.

Лиля танцует, иллюстрируя свой рассказ.

Наверно, во мне есть какая-то магия, Богом данная. Ты ведь помнишь, как Володя у нас «Облако» читал. Мы с Осей остолбенели. А он прочитал и говорит: «Можно я вам поэму посвящу?». Мне. А обещал тебе. Мужчины всегда так: уходят ко мне. От своих женщин уходят. Ты ведь знала. Зачем привела?

Читает отрывки из «Облака в штанах» (на усмотрение исполнителя).

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было,

было в Одессе.

«Приду в четыре», — сказала Мария.

Восемь.

Девять.

Десять.

Вот и вечер

в ночную жуть

ушел от окон,

хмурый,

декабрь.

В дряхлую спину хохочут и ржут

канделябры.

Меня сейчас узнать не могли бы:

жилистая громадина

стонет,

корчится.

Что может хотеться этакой глыбе?

А глыбе многое хочется!

Ведь для себя не важно

и то, что бронзовый,

и то, что сердце — холодной железкою.

Ночью хочется звон свой

спрятать в мягкое,

в женское.

СЦЕНА 3

1978г. Лиля (86 лет) в инвалидном кресле разговаривает с фотографией Людмилы. Показывает ей коралловые бусы.

ЛИЛЯ БРИК. Я же не виновата, что во мне есть какая-то магия! Я всегда притягивала мужчин как магнит. Но никогда мы не «жили втроем» как ты это понимаешь! Никогда! Я всю жизнь любила только одного. Того, кто мне особенно дорог в данный момент. Кто был моим мужем в это время. Володя - возлюбленный, а Ося – родная душа. Мы ведь с ним уже как-то расплзлись физически, когда я Володю встретила. Я Осе все рассказала. Он понял и сказал: «Давай только никогда не будем расставаться». Ты мне не можешь простить, что Володя с нами жить стал, а к вам только забегать. Что ж делать, что ему с вами было тяжело и скучно. Я, наоборот, умоляла его вам хоть открытки посылать из своих поездок. И деньги передавать. А от вас вместо благодарности – одни обиды. Мы жили шумно и весело. У нас для гостей всегда и дом, и стол, и постель. Кто к нам только не ходил: Хлебников, Бурлюк, Каменский, Асеев, Есенин, Мейерхольд, Горький, Пастернак, Малевич, Луначарский, Эйзенштейн! Володя же не переносил одиночества. Всегда хватался за телефон и говорил: «Надо обеспечить себя людьми». Мы так и жили. А как мы Комфут организовали, помнишь? Коммунисты и футуристы. Там все – настоящие таланты. И я, Лилия Брик, единственная женщина, без творческой профессии, среди них на равных! *(Рассматривает себя в зеркало.)* Глаза у меня колдовские. Сияющие. Божественные. И волосы с медным отливом. *(Заплетает косу.)* Я в школе косы обрезала. Мать чуть с ума не сошла. А сейчас вот, на месте коса. Мне к лицу, хоть и не по возрасту. Я такая и в театр хожу. Надо же как-то развлекаться. Знаю, смеются надо мной. А все ж спектакль на Таганке Юра без меня не начал. А мы с Васей тогда на двадцать минут опоздали.

Ездит по комнате. Перебирает вещи и фотографии.

Как мы насыщенно жили в 20-е... Володя выступал. Сочинял. Ося решал дела. Писал критические статьи. Забросил свою торговлю. Стал литератором,

филологом, критиком, сценаристом! На свои деньги, первый, издал «Облако». Они с Володей очень подружились. Володя как напишет новую вещь, сразу Осе несет. «На, Ося, расставь запятатки».

А я была настоящая писательская жена. Гранки вычитывала. Рукописи правила. Редактировала. Переписывала. Успокаивала. Еду готовила. Мирила со всеми. А еще сама сценарии писала, кино снимала. Вы не можете мне простить, что я не бессловесной тенью при Володе была, а сама личностью. Хотели, что б «хозяйка только чай должна разливать». А Володя и сам по правилам никогда не жил.

Да, у меня всю жизнь были романы. А у Володи и Оси другие женщины. И что? Мы ничего не скрывали. Ничего нет хуже мещанства и обывательщины. Володе, конечно, иногда тяжело было. Так что ж. Поэт должен страдать. Быть несчастным. Только так рождаются настоящие стихи. Ты ведь их и хотела, Люда? Вот я и прогнала его от себя на два месяца в 22-м. А он мне письмо присылает.

СЦЕНА 4

1922г. Лиля Брик (31год) пишет письмо, перечитывает его вслух, обращаясь к фотографии Эльзы.

ЛИЛЯ БРИК. Эльза, милая, я прогнала Володю. Сказала, что два месяца видеться не будем. Надоели его халтура и карты. Не хочу его видеть. Устала от его истерик. Пусть подумает, как дальше жить. Если что получится, приму его обратно. А нет, так и черт с ним. *(пауза)* Письмо мне прислал. *(Роется в ящике трюмо.)* Горячее. Страстное. Вот. *(Находит письмо, читает).*

«Лилек,

Я вижу, ты решила твердо. Я знаю, что мое приставание к тебе для тебя боль. Но, Лилик, слишком страшно то, что случилось сегодня со мной, чтоб я не ухватился за последнюю соломинку, за письмо.

Так тяжело мне не было никогда — я, должно быть, действительно чересчур вырос. Раньше, прогоняемый тобою, я верил во встречу. Теперь я чувствую, что меня совсем отодрали от жизни, что больше ничего и никогда не будет. Жизни без тебя нет. Я это всегда говорил, всегда знал. Теперь я это чувствую, чувствую всем своим существом. Всё, всё, о чем я думал с удовольствием, сейчас не имеет никакой цены — отвратительно.

Я не грожу, я не вымогаю прощения. Я ничего тебе не могу обещать. Я знаю, нет такого обещания, в которое ты бы поверила. Я знаю, нет такого способа видеть тебя, мириться, который не заставил бы тебя мучиться.

И все-таки я не в состоянии не писать, не просить тебя простить меня за все.

Если ты принимала решение с тяжестью, с борьбой, если ты хочешь попробовать последнее, ты простишь, ты ответишь.

Но если ты даже не ответишь — ты одна моя мысль. Как любил я тебя семь лет назад, так люблю и сию секунду, что б ты ни захотела, что б ты ни велела, я сделаю сейчас же, сделаю с восторгом. Как ужасно расставаться, если знаешь, что любишь и в расставании сам виноват.

Я сижу в кафе и реву. Надо мной смеются продавщицы. Страшно думать, что вся моя жизнь дальше будет такою».

Смешно. Живу сейчас одна, и все пристают ко мне со страшной силой. А я пока не хочу никаких романов. Не хочу.

СЦЕНА 5

1978г. Лиля Брик (86 лет) в своей комнате в инвалидном кресле.

Разговаривает с фотографией Людмилы.

ЛИЛЯ БРИК. Ты, Люда, не могла мне простить, что Володя был так ко мне привязан. Ревновала. Тебе то не писали таких писем. *(Достает с полки книгу.)* Вот. В 22-м году мне написал. Когда я его прогнала от себя. Горячее, страстное письмо. Его в 58-м опубликовали. Не помню, кто-то потом сказал, что, мол, «и достоевские персонажи не писали таких рабских писем». Ну не знаю... Мне, вот, написали. Ты, наверно, всю жизнь полагала, что дело в разврате, который я, якобы, делаю для мужчин. Дура ты дура, Люда. Им со мной было интересно. Со мной всем интересно. Всегда. А с тобой скучно.

СЦЕНА 6

1922г. Лиля Брик (31год) пишет письмо, перечитывает его вслух, обращаясь к фотографии Эльзы.

ЛИЛЯ БРИК. Представляешь, Володя засел в своей комнатенке-лодочке на Лубянском и работал по 16 часов. Каждый день присылал мне письма, записочки, птиц в клетках. Через два месяца решили поехать в Петроград. Он мне прямо в поезде новую поэму прочитал. «Про это».

Читает отрывки из поэмы «Про это» вслух (на усмотрение исполнителя.)

...Лубянский проезд.

Водопьяный.

Вид

вот.

Вот

фон.

В постели она.

Она лежит.

Он.

На столе телефон.

«Он» и «она» баллада моя.

Не страшно нов я.

Страшно то,

что «он» — это я,

и то, что «она» —

моя.

При чём тюрьма?

Рождество.

Кутерьма.

Без решёток окошки домика!

Это вас не касается.

Говорю — тюрьма.

Стол.

На столе соломинка...

Видишь, я всегда говорила: поэт должен страдать, быть несчастным. Только так рождаются настоящие стихи.

СЦЕНА 7

1978г. Лиля (86 лет) в своей комнате. Разговаривает с фотографией Людмилы.

ЛИЛЯ БРИК. Я была права, Люда. Я знаю, как надо было с Володей. Таким мужчинам нужен руководитель. А любят они смелых, свободных и независимых. Как я. Я прогнала Володю на время, и он написал «Про это». Там ведь и про вас было. Про маму. Про тебя, про Олю. Ты ведь этого хотела, Люда? Настоящих стихов?

Читает наизусть отрывок из поэмы «Про это».

— Володя!

На Рождество!

Вот радость!

Радость-то во!.. —

Прихожая тьма.

Электричество комната.

Сразу —

наискось лица родни.

— Володя!

Господи!

Что это?

В чём это?

Ты в красном весь.

Покажи воротник!

— Не важно, мама,

дома вымою.

Теперь у меня раздолье —

вода.

Не в этом дело.

Родные!

Любимые!

Ведь вы меня любите?

Любите?

Да?

Так слушайте ж!

Тётя!

Сёстры!

Мама!

Тушите ёлку!

Заприте дом!

Я вас поведу...

вы пойдёте...

Мы прямо...

сейчас же...

все

возьмём и пойдём.

Не бойтесь —

это совсем недалёко —

600 с небольшим этих крохотных вёрст.

Мы будем там во мгновение ока.

Он ждёт.

Мы вылезем прямо на мост.

— Володя,

родной,

успокойся! —

Но я им

на этот семейственный писк голосков:

— Так что ж?!

Любовь заменяете чаем?

Любовь заменяете штопкой носков?

Пауза.

Ты, Люда, в этом вся и есть: думаешь, что любовь можно заменить заботой.

СЦЕНА 8

Вторая половина 20-х годов. Лиля (35 лет) пишет письмо Эльзе.

Перечитывает его вслух, вносит поправки.

ЛИЛЯ БРИК. Эличка! Заказала Володе, что мне привезти из Парижа. И тебе, на всякий случай, пишу. Вдруг перепутает. Надо мне два забавных шерстяных платья из очень мягкой материи. Одно очень элегантное, эксцентричное из креп-жоржета на чехле. Хорошо бы цветастое, пестрое. Лучше бы с длинным рукавом, но можно и голое. Для встречи Нового года. Чулки. Бусы (если еще носят, то голубые). Перчатки. Очень модные мелочи.

Носовые платки. Сумку (можно в Берлине дешевую). Духи: Rue de la Paix, Mon Voudoir и что сама выберешь. Побольше и разных. Две коробки пудры Arax. Карандаши Brun для глаз, карандаши Haubigant для глаз.

(Проглядывает письмо молча.) Ну вот, вроде ничего не забыла.

Задумывается. Размышляет вслух.

Думают, что форма не играет роли. А я говорю, что новое платье может подогреть чувство. Володе всегда нравятся красивые, хорошо одетые женщины. Они ведь всем нравятся, что бы кто не говорил.

Знаешь, Эличка, иногда думаю: как же хорошо, что ты закончила свои Архитектурные курсы. А я за что не бралась, все бросала. И математику, и скульптуру, и балет с музыкой. Говорят, что ничего из меня не вышло. А, пусть их! Зато я умею из поэта сделать гения, а из любовника – героя.

С Володей тяжело. То ругаемся, то миримся. Говорят, что я его не отпускаю. *(пауза)* Я с Краснощековым ездила на Волгу на три недели. Никому не сказали куда едем. У Володи, кажется, серьезный роман с этой Татьяной Яковлевой, с которой ты его познакомила в Париже. А все ж жениться ему нельзя. Тогда он кончится как поэт.

Дописывает молча. Запечатывает письмо.

Надо что-то предпринять, что б Володя не женился...

СЦЕНА 9

1978г. Лиля (86 лет) в инвалидном кресле разговаривает с фотографией Людмилы.

ЛИЛЯ БРИК. Ну да, был у меня роман с Краснощековым в том же 22-м году. И что? А потом его арестовали. Не могла же я его бросить. Кто бы ему передачи носил? Дочка его еще... Мы с Володей ее приютили. Володя ей по

семь плиток шоколада приносил. По одной на каждый день недели. Я с ней всю жизнь дружу. Да где тебе понять... В броне из предрассудков и запретов. За штопаньем носков. Где ты увидела «ложе для любви втроем»? Ты же была у нас в Гендриковом. Да, Володя нас с Осей туда прописал. В свою квартиру. Как родственников.

Лили ездит по комнате и показывает рукой схему расположения комнат как экскурсовод.

Это - комната Володи. Вот комната его жены – Лили Юрьевны Брик. И комната Осипа Брика, бывшего мужа Лили и лучшего друга Маяковского. А это их общая столовая.

Хватает трубку телефона. Говорит в нее.

В чем вы меня еще обвиняете? В том, что наша квартира в Гендриковом была не квартира, а отделение ОГПУ? Все знали, где работает Агранов и охотно к нам ходили. Ха! Больше того, дорожили общением с ним. Называли его: Янечка или Аграныч. С просьбами обращались. Знаю я, это Пастернак с Ахматовой. *(Иронично цитирует.)* "Литература отменена, оставлен один салон Бриков, где писатели встречаются с чекистами". Да Ахматова меня просто не любила. По-женски не любила. Потому что ее муж, Пунин, тоже мной увлекался. Говорила про меня: «на истасканном лице наглые глаза». Это ж надо...Мне тогда тридцать лет было. А Пастернак? Осип, благодаря своей работе в ЧК в 21-м выбил для его родителей и сестер разрешение на выезд в Германию! Я вообще была не в курсе этих политических дел! Володя любил чекистов. Считал их героями, борцами за победу коммунизма. Солдатами Дзержинского.

Читает стихотворение:

Мы стоим с врагом о скулу скула,
и смерть стоит, ожидает жатвы.

ГПУ — это нашей диктатуры кулак сжатый.

Храни пути и речки, кровь и кров, бери врага, секретчики,
и крой КРО!

И потом, как бы Володя за границу ездил без контактов с ГПУ? Агранов помог Рено через границу перевезти, который Володя для меня купил. Как бы мы с Осей ездили? У меня в Англии мама, во Франции - Эльза. Я все вещи там покупала. В России же ничего приличного было не достать!

(Цитирует насмешливо) «Салон Лили Брик». (Обращается к зрителям.)

Благодаря мне они могли собираться вместе! Самые талантливые люди того времени. Блестящие интеллектуалы. Где еще им было провести интересный, духовно и эмоционально наполненный вечер? *(Берет фотографию Людмилы.)* Не с тобой же, Люда! Где еще они могли регулярно встречаться в непринужденной обстановке? Общаться, размышлять, дискутировать, обсуждать проблемы литературы и искусства? Это я, Лилия Брик, дала им такую возможность. Это тебе, Люда, не отделом на фабрике руководить. У меня всю жизнь этот салон! Всю жизнь ко мне ходят самые талантливые и знаменитые. Вся творческая интеллигенция! И советская, и заграничная. *(Перебирает духи на трюмо, проговаривает названия вслух.)* Rue de la Paix, Mon Voudoir. *(Открывает флакон, наносит на запястья и шею).*

СЦЕНА 10

1930 г. Лилия (39 лет) пишет письмо Эльзе. Перечитывает его вслух.

ЛИЛИЯ БРИК. Эличка! Как же тяжело. Приснился сон — я сержусь на Володю за то, что он застрелился, а он так ласково вкладывает мне в руку крошечный пистолет и говорит: «все равно ты то же самое сделаешь». Нет, это чудовищный эгоизм — застрелиться. Для себя-то это конечно проще

всего. Но ведь я бы всё на свете сделала для Оси, и Володя должен был не стреляться — для меня и Оси. *(Плачет)*. Мы с Осей бегаем по Володиным делам. Плакать хочется. Не перестаю думать о Володе. Настроение мрачное. Ося говорит, что люди не стреляются по двум причинам: или потому, что они сильней раздирающих их противоречий, или потому, что у них вообще никаких противоречий нет. Как у всех этих пролетарских писателей из РАППа, которые его затравили.

Встает, потерянно ходит по комнате.

Наверно, я всю жизнь буду проклинать эту нашу берлинскую поездку.

Молча ходит по комнате. Берет письмо, дописывает его.

Очень много думаю. У меня на все вырабатывается своя точка зрения. Читаю Ленина «Государство и революция». Систематизирует то, что я случайно знаю. Большевизм, по-моему, не убеждение, а характер. Понимаю, что мы с Осей всегда были марксистами, не изучая Маркса. Читаю Маркса по письмам и воспоминаниям. Обчитаю его кругом да около и попробую взяться за «Капитал». Еще читала Салтыкова-Щедрина. Как это я его не знала. Блестящий гиперболист. Похож на Володю.

Задумывается на некоторое время. Продолжает писать и перечитывать вслух.

Все думают, что я мало страдаю. Нет, я решительно не понимаю этого «стреляться». Помнишь, был у меня роман с режиссером Кулешовым. А Шурочка, жена его, как узнала, решила покончить с собой. Из-за чего? Я ж ее подруга! К чему такие театральные страсти? Ну, сойдутся люди, кому с кем и как хочется, потом вместе соберутся за общим столом. Зачем же стреляться? Всё благополучно закончится, и все опять будут домами дружить. А что было бы, если бы и вправду из-за таких пустяков люди стали накладывать на себя руки...

Дописывает письмо молча.

СЦЕНА 11

1978г. Лиля (86 лет) продолжает разговаривать с фотографией Людмилы.

ЛИЛЯ БРИК. Ваша мама, Александра Алексеевна, как произнесла эту фразу... *(Цитирует мать Маяковского.)* «Если б Лили Юрьевна была в Москве, Володя бы не застрелился.» Если б я была рядом... Если б меня не было рядом... *(Она повторяет эти фразы на разные лады.)* Так и Полонская не была! Последняя любовь Володи. Мы-то с Осей в Берлин уехали. А она в театр на репетицию. Уж поближе будет. Володя застрелился, потому что жил бешено в отношении всего. С этой своей исступленной любовью к жизни, к революции, к искусству, к работе, ко мне, к женщинам, к азарту, к воздуху, которым он дышал. А старости он ужасно боялся. Он всегда говорил о самоубийстве! Прямо терроризировал меня. В 16-м году звонит мне рано утром по телефону: «Я стреляюсь. Прощай, Лилик». Я кричу: «Подожди меня!» — одеваю что-то, бегу по лестнице, бью извозчика кулаками в спину. Прибегаю. В комнате на столе - пистолет. Говорит: «Стрелялся, осечка, второй раз не решился, ждал тебя». Я была в ужасе, в себя не могу прийти. Потом пошли ко мне, на Жуковскую. Заставил меня играть с ним в гусарский преферанс. Декламировал непрерывно. *(пауза)* Я не виновата в гибели Володи. Я это точно знаю. А ты мне звонишь... с того света. Я, наоборот, пострадавшая сторона. Кто это написал... *(пытается вспомнить)*... Ахматова...

И кто-то во мраке дерев незримый

зашуршал опавшей листвой.

И крикнул: что сделал с тобой любимый,

что сделал любимый твой!

Это он со мной сделал, а не я с ним! Я еще в 20-м разговаривала с Якобсоном. Он мне говорит: «Не представляю себе Володю старого, в морщинах». А я ему отвечаю: «Он ни за что не будет старым, обязательно застрелится. Он ведь и в этот раз вынул обойму из пистолета. Оставил один патрон в стволе. Доверился судьбе.

Как часто я от него слышала «Застрелюсь, покончу с собой, 35 лет — старость! Дальше не стану».

Эта мысль о самоубийстве у него как хроническая болезнь была. Обострялась при неблагоприятных условиях. Кто-то опаздывает на партию в карты — он никому не нужен. Знакомая девушка не звонит по телефону - никто его не любит. Значит, жить бессмысленно. Я его и успокаивала, и сердилась. Умоляла не мучить. Не пугать меня.

Но я – не нянька! И никогда ею не была. Иначе он бы меня разлюбил. Нянек любят только дети.

Всё тогда не заладилось. Полонская не соглашалась уйти из театра и от мужа ради него. На выставку никто из правительства не пришел. Писатели его травили. Нас с Осей не было рядом. Пресса ежедневно ругала постановку «Бани» в театре. Может, разочарование в революции. Он ведь был Поэт. Он хотел всё преувеличивать.

Я не скрываю. Я не очень удивилась, узнав о самоубийстве. Я не «играла лицом» безутешную вдову. Думали, что я мало страдаю. Что ж... Так уж вышло. Ну... Хорошо, что он застрелился из большого пистолета. А то некрасиво бы получилось: такой поэт — и стреляется из маленького браунинга.

А в записке Володя прямо написал: «Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская». Я, жена, стою на первом месте. А любовница - на последнем.

СЦЕНА 12

Первая половина 30-х г. Лиля (42 года) пишет письмо Эльзе. Перечитывает вслух.

ЛИЛЯ БРИК. Эличка! Очень по прежнему тяжело. Слышу, многие меня осуждают. Что в том же году вышла за Виталия. И Виталия за то, что ушел из семьи ко мне. И за то, что я старше него. Они молодые замуж выйти не могут, а я вот... *(пауза)* Представляешь, они думали, что я после смерти Володи уйду в монастырь! Виталий возит меня во все свои командировки. Говорит, что не может со мной расстаться. Ты представляешь, Уралмаш похож на Клондайк! Ездим по таким местам, что автомобиль первый раз видят, зато волки подходят зимой к каждому дому. А грибов так много, будто их посеяли. Я каждый день стреляю из нагана. Последний результат из 50 возможных, 15 патронов, 25 метров – 42 очка. Что ж еще делать жене командующего Уральским военным округом? Платье, которое ты мне прислала, ношу не снимая. То же со шляпами. Если ты уже получила деньги, купи мне, пожалуйста два полувечерних платья: одно черное, второе что-нибудь вроде парчи и туфли к ним. Материи что б позабавнее. Потом мне нужно 4 коробки моей пудры телесного цвета, 3 губных карандаша Ritz — твоего цвета, румяна Institut de Beauté. *(Некоторое время пишет молча.)*

Виталий ужасно красив: сильный, спортивный. Прекрасный конькобежец и кавалерист. У него ясные серые глаза, белозубая улыбка! А как образован. Хорошо владеет английским, да и пишет очень прилично. Ты почитай его рассказы в „Альманахе с Маяковским“. И знаешь, он добрее меня. Как-то в поезде за окном я увидела крытые соломой хаты и сказала: „Не хотела бы я так жить“. Он же ответил: «А я не хочу, чтобы они так жили». Скоро получаем большую квартиру. Говорят, Виталий будет командующим Ленинградским округом. Будем жить все вместе: я, Виталий и Ося с Женей.

СЦЕНА 13

1978г. Лиля (86 лет) разговаривает с фотографией Людмилы.

ЛИЛЯ БРИК. Думаешь, я не помню, что ты говорила после смерти Володи? Сидела у нас с Осей пять часов пока тебя уйти не попросили. *(Цитирует по памяти)* «Я одинока. Нет у меня ни друзей, ни любящего человека. Чем больше я любила, тем меньше любили меня». А я после смерти Володи опять вышла замуж. В том же году. За Виталия Примакова. Героя Гражданской войны. За командующего Ленинградским военным округом. За сильного. Красивого. Конькобежца и кавалериста. Он прекрасно вписался в нашу писательскую среду. Ты говорила: «Я всю свою жизнь посвятила семье и Володе». Ты говорила, а я действовала. Когда Володю стали забывать. Написала то письмо в 35-м. Не побоялась. А Виталий помог передать Сталину.

Лиля находит письмо в ящичке стола. Пытается встать, чтобы торжественно его прочитать. Не может. Принимает какую-никакую, но торжественную позу. Читает свое письмо вслух.

«И.В. СТАЛИНУ

24 февраля 1935 г. Дорогой товарищ Сталин, после смерти поэта Маяковского все дела, связанные с изданием его стихов и увековечением его памяти, сосредоточились у меня. У меня весь его архив, черновики, записные книжки, рукописи, все его вещи. Я редактирую его издания. Ко мне обращаются за материалами, сведениями, фотографиями. Я делаю все, что от меня зависит, для того, чтобы его стихи печатались, чтоб вещи сохранились. Его стихи сегодня абсолютно актуальны и являются сильнейшим революционным оружием. Прошло почти шесть лет со дня смерти

Маяковского, и он как был, так и остался крупнейшим поэтом революции. Но далеко не все это понимают. Полное собрание сочинений вышло только наполовину, и то в количестве 10 000 экземпляров. А надо печатать его избранные стихи в сотнях тысяч экземпляров. Надо сохранить память о нем подрастающего поколения. Я одна не могу преодолеть эти бюрократические незаинтересованности и сопротивление - и после шести лет работы обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследие Маяковского.

Л. БРИК

Мой адрес: Ленинград, ул. Рылеева, 11, кв. 5.

И ты знаешь, что Сталин ответил. (*Читает другую бумагу.*)

«И.В. СТАЛИН. РЕЗОЛЮЦИЯ НА ПИСЬМЕ Л.Ю. БРИК

Тов. Ежов, очень прошу вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличное отношение к его памяти и произведениям — преступление. Жалобы Брик, по-моему, правильны. Свяжитесь с ней или вызовите ее в Москву. Сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов».

Лия, приняв горделивую позу ездит по комнате.

Вот. То, что Володю снова начали активно печатать – только моя заслуга. (*пауза*) А помнишь, Люда, как в 29 м году только две женщины в Москве водили машину: я и жена французского посла. Володя мне это авто привез. А написал, что для себя. Как будто оправдывался.

Читает наизусть.

Москва

меня

обступает, сипя,

до шепота

голос понижен:

«Скажите,

правда ль,

что вы

для себя

авто

купили в Париже?

Товарищ,

смотрите,

чтоб не было бед,

чтоб пресса

на вас не нацыкала.

Купили бы дрожки...

велосипед...

Ну

не более же ж мотоцикла!»

Что, Люда, жалко тебе было денег, которые на меня Володя тратил? Жалко, жалко. Знаю. Но он ведь на кооператив вам денег дал. А больше вам и не надо. Зачем монашкам деньги?

СЦЕНА 14

1936г. Лиля (45 лет) сидит за столом, обхватив голову руками. Пытается писать письмо Эльзе. Начинает и бросает.

ЛИЛЯ БРИК. Эльза...Эличка...Не могу писать. Виталия арестовали вместе с Тухачевским и Якиром. Какое-то абсурдное обвинение о встрече с Троцким в районе Алма-Аты в 1928г. А он в это время был в Афганистане. Как страшно...Эличка, мы, наверно, с тобой больше не увидимся.

Плачет. Потом кидается к шкафу, столу. Достает оттуда бумаги, спешно перебирает их и складывает в большой таз, потом поджигает.

СЦЕНА 15

1978г. Лиля (86 лет) разговаривает с фотографией Людмилы.

ЛИЛЯ БРИК. Когда Виталия расстреляли в 37-м...Как страшно было...Я тоже была в списке приговоренных. Сталин вычеркнул. «Не будем трогать жену Маяковского». Люда, у нас с тобой как-то диаметрально непохожие судьбы: ты всегда одна, а я никогда не одна. Ты же знаешь, я с Васей

Катаняном и его семьей давно была знакома. Он ведь Володин биограф, издатель. Литературовед. Вот мы и поженились. Ну да, опять я сильно старше. Уже сорок лет вместе. Галочка, его первая жена, долго меня простить не могла, что Вася ко мне ушел. Но, слава богу, потом простила. И его сын тоже. Все меня прощали, кроме тебя. Я помню, ты говорила: «Хочу покоя на душе без боли и обид». Вот мы так и жили все: без боли и обид. Вы еще тогда к нам с Володиной мамой иногда заходили. Помню, за столом веселье, разговоры, и ты молча сидишь. А помнишь, как ты, Люда, ходила в музей, который мы с Осей сделали для Володи в Гендриковом. Мы там обе выступали. А Володина мама между нами сидела в президиуме. Между тобой и мной. Между сестрой и женой. Она мудрая женщина была.

СЦЕНА 16

50-е г. Лиля (66 лет) пишет письмо Эльзе. То пишет молча, то проговаривает вслух.

ЛИЛЯ БРИК. Ты представляешь, Эличка, как Володина мама умерла, Людмила сразу со мной здороваться перестала. Теперь требует закрыть наш музей в Гендриковом. Потому что «гнездо разврата», видите ли. И письма в ЦК пишет. *(Иронично цитирует)* «Брики — антисоциальное явление в общественной жизни и быту и могут служить только разлагающим примером, способствовать антисоветской пропаганде в широком плане за рубежом». *(Смотрит на фотографию матери и сестер Маяковского.)* Ах как возмутилась советская общественность в твоём, Люда, лице. Как почернело честное имя борца за коммунизм. Как опорочила его связь со мной.

Был день рожденья Володин. Мы с Васей отвезли на Новодевичье гигантскую корзину цветов и напоролись там на Людмилу с ее старушками. Она всегда окружена какими-то неведомыми старухами. Одна из них меня

почти выгнала, вернее непрерывно командовала куда и как мне поставить цветы. После этого я долго пила валерьянку, вместо того, чтобы отнестись к этому с должным юмором. Никак не могу привыкнуть! А, вот еще наши новости: был у нас Андрюша Вознесенский. Майя танцует «Кармен». Очень беспокоится. Мы с Родионом ее успокаиваем. Говорим, что «Баня», «Лебединое», «Чайка» при жизни авторов провалились. Но наши успокоительные речи ее не устраивают. Все, что мы можем, это аплодировать изо всех сил. Ты помнишь, ведь Майя с Щедриным у нас познакомились! *(Продолжает писать молча. Кладет письмо в конверт.)* Ах, Эльза. Всю жизнь эти письма из России во Францию. Из Франции в Россию. Я здесь, а ты там. Как жизнь нас с тобой развела. Всю жизнь ездим то туда, то сюда. А все ж, замуж ты очень удачно вышла за Арагона. У нас с тобой, наверно, врожденное чутье на гениев. Да ты и сама лучше всех. *(Достает с полки книжки Эльзы Триоле. Рассматривает. Листает. Книг целая стопка.)* Сестричка моя, популярный в Советском Союзе писатель! Эльза Триоле! Вчера полночи тебя читала. Это удивительно, как точно ты умеешь сказать о том, что чувствуешь, думаешь, знаешь. Как талантливо! Ты всю жизнь пишешь, а я вдохновляю. Помнишь, как у Марины... "внушать стихи - больше, чем писать стихи, БОЛЬШОЙ дар Божий, БОЛЬШАЯ богоизбранность". А все ж знаешь... Странно... Помнишь, то жуткое, голодное время в Гражданскую? Я заболела авитаминозом и начала опухать. Володя с Осей с ног сбились, чтобы меня кормить, лечить. Двое здоровых, молодых мужчин со мной рядом.

Читает наизусть.

Телефон

взбесился шалый,

в ухо

грянул обухом:

карие глазища

сжала голода

опухоль.

Врач наболтал — чтоб глаза глазели, нужна теплота, нужна зелень.

Не домой,

не на суп, а к любимой в гости,

две морковинки

несу

за зеленый хвостик.

Я много дарил

конфekt да букетов,

но

больше всех

дорогих даров

я помню

морковь драгоценную эту

и полполена

березовых дров.

А у Марины в это время дочка от голода умерла. Она всегда была одна...Беспомощная. Несчастливая. Никто ее не любил, что ли...Потом в войну, в 41-м. Я тогда уже была замужем за Васей. Мы получили эвакуационные документы в Союзе писателей и вчетвером поехали в Молотов. Я с Васей и Ося с Женей. Что б всем вместе жить. Выбрали загородный вариант — поселок Нижняя Курья на берегу Камы. Место

чудесное — красавица река, лес, свежий воздух. Настоящий курорт! Правда, далековато от центра города. В театр, например, сходить — проблема. Но что поделаешь! Ведь 41-й год. У нас были две чистые комнатки в двух соседних домиках по 7 метров каждая. Хозяева уступали нам молоко, мед и яйца. От станции 5 минут ходьбы. Ося читал лекции о Маяковском. И Пермское отделение Союза писателей нам очень помогало. Руководитель их, такой приятный человек. А Марина... Эта жуткая смерть в Елабуге... Мне рассказывали. Есть нечего, денег нет. Работы нет. Жить негде. Одна с сыном-подростком. Удивительно, как у нее все время так несчастливо получалось... Одно и тоже время: август 41-го. И расстояние между нами всего 500 километров. По российским меркам совсем близко. Могла бы написать мне...

Некоторое время молчит.

Нет, видно она была права: внушать стихи — БОльшая богоизбранность чем их писать.

Задумчиво смотрит в окно.

Я всегда всем помогала. Пока Володя был жив, каждое первое число ему напоминала, что надо денег послать его маме, сестрам. Сама деньги посылала нашим мамам: моей, Осипа, Васи. Как-то выкручивалась и помогала. Всегда. Всем. Чем могла, тем и помогала.

Достает письмо из конверта. Дописывает.

Дорогая моя, писала бы чаще, да столько дел, что и сказать не могу. Целыми днями переговоры с издательствами, везде приглашают. Не успеваем на все премьеры. А столько интересного происходит! А 2-го в Союзе писателей банкет на 65 человек. Тоже надо пойти. Сейчас заканчиваю, а скоро напишу тебе еще письмо про все это. Целую! Твоя Лиля.

СЦЕНА 17

1978г. Лиля (86 лет) ездит по комнате в кресле с фотографией Людмилы Маяковской в руках.

ЛИЛЯ БРИК. Люда-Люда...Добилась-таки своего: закрыла наш музей в Гендриковом. Сколько там всего пропало...Из всех изданий упоминание обо мне вычеркнули. Школьники читают Маяковского и не знают, кто такая Лиля Брик! А все равно, там...*(Лилия показывает рукой наверх)* со мной считаются. Помнят. И Суслов, и Брежнев. Оба знают жену Маяковского. Я ведь всегда поддерживала власть! Вот, Сережу Параджанова на год раньше из тюрьмы выпустили. Я добилась. Конечно, Арагоша помог. Как Эльза все-таки удачно вышла замуж. *(Берет с трюмо фотографию Эльзы и Арагона, целует.)* Арагоша. *(Декламирует официальным дикторским голосом.)* Луи Арагон. Всемирно известный французский поэт и писатель. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Участник Сопротивления. Видный деятель французской коммунистической партии. Это ведь я упросила его, что б в СССР приехал. После событий 68-го. Уж они и не мечтали, что согласится.

Горделиво ездит по комнате с фотографией Луи Арагона в руке.

Господи, о чем я? Сколько ж дел еще...Надо продукты заказать для гостей.

Достает бумагу и ручку, пишет список продуктов.

СЦЕНА 18

1967г Лиля (76 лет) пишет письмо Эльзе.

Милая моя Эльза! Вчера в Политехническом был доклад о советской литературе во всем мире. Вася тоже там выступал. Говорили о тебе, Арагоше

и об открытии Володиной выставке! А на днях мы с Васей должны были пойти в школу, в которой учится тысяча детей! Они сделали у себя музей Маяковского. Я себя плохо чувствовала, а Вася пошел и вернулся под сильным впечатлением. Прелестная экспозиция. Под стеклом прижизненные издания. Копии иллюстраций, сделанные ребятами. И представляешь, макет нашей столовой в Гендриковом! Они прислали мне цветы и значок с портретом Володи и надписью: Маяковский. Музей 483 школы. *(пауза)* Еще меня одолевает краеведческий музей в Пушкине, где мы с Володей живали летом. В одной из дач они восстанавливают его комнату и устраивают там библиотеку-читальню! Господи, что там восстанавливать? На Мосфильме снимают фильм о Чернышевском по Васиному сценарию. Ужасные морозы, но за Васей приезжает студийный автобус, а я совсем не могу выходить из-за холода.

Шлю тебе духи. Ты говоришь, что любишь наши духи, а я – ваши.

Элик, Арагошенька! Неужели мы больше не увидимся? Целую, целую, целую! Лиля и Вася.

СЦЕНА 19

1978г. Лиля (86 лет) у себя в комнате. Перебирает фотографии.

Эличка, тебя уже нет, а тот костюмчик серый, что ты прислала, помнишь? Вот он. Я его все ношу с розовым платочком. Очень в цвет. А стирается как! Повесишь мокрым, а потом утюгом не горячим пройтись разок. Всю жизнь ты меня одевала...

Рассматривает себя в зеркало. Меряет давление.

Опять повышенное. Всегда повышенное. Как я теперь быстро устаю. Совсем сил нет. Жить здорово надоело, но боюсь, как бы после смерти не было еще страшнее.

И Сережа все не приходит...

Пробует встать. Но в этот раз у нее совсем ничего не получается. Звонит телефон. Лиля смотрит на телефон.

Люда, тебя уже нет, а все мне звонишь.

Через некоторое время все же снимает трубку.

А, это ты...*(Молча слушает.)* Так врач сказал? Я поняла. А мне не осмелился...*(вешает трубку).*

Молча сидит в своем кресле, глубоко задумавшись. Цитирует слова позвонившего.

«Она больше не сможет обслуживать себя сама». *(Теребит кольца, висящие на цепочке у нее на груди.)* Наши с Володей кольца. ЛЮБ-ЛЮБ-ЛЮБ-ЛЮБ...Лилия Юрьевна Брик. Это мое. А это Володино. ЛИ-ЛЯ. ЛИ-ЛЯ. Что-то мне совсем надоело жить. Как и ему. Как ты написал, Володя...Всю жизнь помню. *(Цитирует предсмертную записку Маяковского).*

«Всем,

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте.

Покойник этого ужасно не любил. Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет. Лилия — люби меня.

Товарищ правительство, моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо. Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят —

„инцидент исперчен“,

любовная лодка

разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский 12/IV 30».

Пауза.

Значит, счастливо оставаться...И мне пора.

*Пишет на клочке бумаги записку, глотает таблетки, с трудом
перебирается из кресла на кровать.*

Нет никакого смысла жить так...В моей смерти прошу никого не винить.
Васик! Я боготворю тебя. Прости меня. Все друзья, простите...Лиля.

ЭПИЛОГ

ЛИЛЯ БРИК Пришла —

деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто

пошла играть —

как девочка мячиком.

И каждая —

чудо будто видится —

где дама вкопалась,

а где девица.

«Такого любить?

Да этакий ринется!

Должно, укротительница.

Должно, из зверинца!»

А я ликую.

Нет его —

ига!

От радости себя не помня,

скакал,

индейцем свадебным прыгал,

так было весело,

было легко мне.

Конец.

2021г.

